

Вр. А. И. Я. Альшвангъ,
 ДЕРЖАВСКАЯ, 14.
СЕГОДНЯ, 23, и ЗАВТРА, 24 СЕНТЯБРЯ,
Продажа остатков Сезона 1910 г.
 ниже фабричных цѣвъ.
 Магазины открыты до 6 часовъ вечера.

роща, идуя съ сажи, что на-дѣхъ развѣр-
 жать важныя событія".
 Такова история настоящей революціи. По-
 воритъ, что король и королевѣмать въ по-
 сѣдніе четыре мѣсяца три раза не оставя-
 ли двора. Только отъѣзд и можно объяснить
 тот фактъ, что эти, очевидно, никакого
 представления не имѣли о томъ, что дѣла-
 ютъ въ ихъ столицѣ. Отрывавшие отъ
 своего народа, не желая ничего слышать и
 видеть, они считали себя въ полной без-
 обидности подъ защитой вѣрныхъ престолоу-
 державныхъ бомбардированій этимъ
 флотомъ двора и неодолимо спускались на
 грабительскія корабли.

Английскій локутъ.

Локутъ, захватившій знаменитую записку
 о хитро-бумажной промышленности, за-
 служивъ серьезнаго и всеобщаго внима-
 ния. Не въ томъ случаѣ, что жертовъ локутъ
 было 150 тысячъ рабочихъ. Въ послѣдніе го-
 ды бывали локуты и болѣе значительныя,
 локуты, подготовляющіе въ германской ме-
 таллургической промышленности, угрожающія ра-
 бочей арміи въ полномъ смыслѣ слова.
 Дѣло, съдѣланное, не въ рамкахъ
 лондонскаго локута. Важна обстановка, въ
 которой онъ произошелъ.

За-граицей.

МАНИФЕСТАЦІОНСТВЪ ВЪ ВѢНѢ.
 Колоссальная манифестация противъ заво-
 рожанія продуктовъ первой необходимости
 состоялась въ воскресенье въ Вѣнѣ. Около
 250,000 буржуйскихъ и рабочихъ, мужчинъ
 и женщинъ, безоглядно цуломъ шествовали
 отъ шварцбургскаго плацдарма, мимо двор-
 цовъ Ринга, Бургта и парламента, до ра-
 ния, неся безчисленныя знамена, на ко-
 торыхъ красовались надписи: „Долой ари-
 стократію! Мы требуемъ отмены безогля-
 дошныя на продукты!.. Откройте границы!
 „Долой рестоцизмъ, разоряющій на-
 родъ!.. Работы, мяса и хлеба!.. и т. д.
 На громадной площади передъ ратушей цу-
 лостоялись. Ораторы, депутаты рейхтара
 Жра Алтеръ и Шумайеръ и главный вѣн-
 ская магистратъ Винарски, произнесли на
 специально для того воздвигнутыхъ трибу-
 нахъ речи. Ораторствовали въ нихъ дѣя-
 тельность и въ борьбѣ за свободу правитель-
 ства въ вопросѣ о ввозѣ иностранныхъ про-
 дуктовъ, ораторы предлагали соответ-
 ственную резолюцію, которая неслышной
 толпой, ихъ окружившей, была принята, встрѣ-
 ченная бурными одобреніями.

ЕЩЕ ОБЪ АНТИСЕМИТИЗМѢ ВЪ ПРУССІИ.

„Vos, Zigs“ по поводу неожиданно воз-
 никшей полемики по еврейскому вопросу при-
 нимаютъ следующую историческую справку.
 Кобылинскій императоръ Фридрихъ, въ бы-
 нувшій антисемитическій погромъ германскаго
 общества. Когда состоялось антисемитское
 собраніе въ Вальденбургѣ съ Штеккеромъ, при-
 сѣдатель въ Салт-Ремъ провозгласилъ резолю-
 цію: „Vos, Zigs“ доставить ему конфиденціально
 докладъ о вѣдѣнствѣхъ, произведенныхъ въ
 Берлинѣ этимъ собраніемъ. Получивъ этотъ
 докладъ, кронпринцъ прислалъ въ „Vos, Zigs“
 для опубликованія телеграмму, въ ко-
 торой онъ говоритъ, что онъ еще живъ и
 прощаетъ себя „берлинскимъ съюзникамъ“.
 „Vos, Zigs“ почему-то этой телеграммы не
 опубликовало.

ПРОТЕСТЪ ЖУРНАЛИСТОВЪ.

Извѣстное читателю дѣло о пораненіяхъ,
 нанесенныхъ берлинскимъ шутниками по
 волеи баварцевъ въ Мюнхенѣ тремъ ан-
 глийскимъ и одному американскому журна-
 листамъ, какъ оказывается, далеко еще не
 закончено. Совершенно безвременно направи-
 ны корреспонденты не удовлетворены, разуме-
 ютъ, крайне тенденциознымъ объясненіемъ,
 данное имъ въ отвѣтъ на ихъ запросъ пре-
 сителю берлинской полиціи Ф. Фонт-Иг-
 ному. Великій союзъ иностранной прес-
 си, членами котораго потерпѣвшіе кор-
 респонденты состоятъ, обратился непосредствен-
 но къ имперскому канцлеру съ протестомъ
 противъ привраиванія позицій журналистовъ
 въ нарушеніяхъ общественной тишины,
 прося его, канцлера, указать имъ способъ
 возмездія или своихъ профессиональных
 обязанностей, при которыхъ они не риско-
 вали бы быть взбитыми, пораненными, а то
 и прямо убитыми чинами полиціи. Союзъ,
 вѣроятно, единогласно принявъ резолю-
 цію, въ которой онъ, выражая свою полную
 солидарность съ потерпѣвшими товарищами
 своими, самымъ энергичнымъ образомъ про-
 тестуетъ противъ ничѣмъ неоправданнаго
 насилия, причиненаго полиціей имъ, и
 возмущеніемъ оной корреспондентовъ, обя-
 занности журналистовъ. На каки-либо пра-
 вительскія послѣдствія этого протеста, въ
 смыслѣ выговора, напр., президенту полиціи
 и т. п., рассчитывать, конечно, нечего.
 Да на это и самъ союзъ не надеется. Но
 важно, однако, показать прусскому правитель-
 ству, что иностранная пресса не только
 не расположена безпротестно поворачивать
 насильемъ со стороны свирѣпыхъ шутни-
 ковъ. Ему также также обидно своей пре-
 ступилъ въ глазахъ не только берлинскаго об-
 щества.

Горячее сердце.

„Дайте оденные, оторвана всякому
 о немъ, о томъ, братъ, замолчанъ
 старикъ сидѣлъ нахъ метелью...
 Будъ прощайте, дайте оденные, и
 будущее надежды. Если съ дорой
 сдѣлать, первая записка—вероятно на
 дорой“.

Горячее сердце.

Кто былъ настоящею главой славянофиль-
 ства—Хомяковъ или Константинъ Аксаковъ—
 вопросъ почти разрѣшенный въ пользу того, чья
 личность возмущала Кенеръ. Константинъ
 Аксаковъ былъ вѣдѣнствѣхъ славянофильства,
 то Хомяковъ, во всякомъ случаѣ, не уступалъ
 по своему значенію и влиянію на оруженосцевъ
 той рои, какую игралъ въ западническихъ
 затѣвахъ Герценъ. Хомяковъ былъ старѣе всѣхъ
 восточныхъ вождей и руководителей. Обладая
 огромной памятью и необыкновенными диалектиче-
 скими способностями, онъ не имѣлъ равныхъ,
 которые бы устной бесѣдой и въ личномъ разго-
 ворѣ до безконечности велись въ тогдаш-
 ній интеллигентскій кружокъ и которые
 такъ много содѣйствовали углубленію направле-
 ния. Какъ устный богословъ и тонкій фило-
 софъ, какъ горячій публицистъ и гражданскій
 поэтъ, въ своихъ высокихъ позахъ поднимав-
 шійся до сферы поэтики, Хомяковъ являлся
 неутомимымъ и неутомимымъ руководителемъ
 и самъ Константинъ Аксаковъ былъ ученикомъ
 о, а въ первой своей московской кружокъ онъ
 вовсе не одного изъ тѣхъ своихъ знаменитыхъ
 попутателей, какъ, напр., Ярица Сарма-
 тинъ, которыхъ каждый въострѣдствіи состав-
 лялъ славу своей партіи. По многимъ и, мож-
 но сказать, даже главѣйшимъ принципиальнымъ
 вопросамъ славянофильскаго ученія, онъ и до
 сихъ поръ является авторитетнымъ источни-
 комъ свѣдѣній. И если Константинъ Ак-
 саровъ далъ имъ развитіе и дальнейшій по-
 ширенію, то въ основѣ остаются тѣ перво-
 начальные мнѣнія, которыя высказалъ Хомяковъ
 и которыя вошли въ категорическія славянофиль-
 ская вѣрванія. Его чтили при жизни не толь-
 ко друзья и приверженцы, но и самые ожесточен-
 ные непримиримые противники. Когда же
 Хомяковъ умеръ въ 1890 году, то со слезами
 и плачемъ въ своемъ послѣднемъ изданіи
 (въ изданіи „Наша жизнь“) будущіи русскій
 ученый и публицистъ Г. П. Федотовъ провозгласилъ
 какъ погребальную арию всегда враждебнаго къ
 нему „Николаевъ“.

Телеграммы

„Одесскихъ Новостей“

Въ Россіи.
 „Петербургскаго Телеграфнаго Агентства“.
 ПЕТЕРБУРГЪ. Съ захода средней Рогатки
 поднялся въ порный разъ военный дирижабль
 типа „Фобосъ“ подъ командоначіемъ шкипера
 Шабова съ пассажирами, всего 9 чело-
 вѣкъ. 15 минутъ спустя послѣ похода у за-
 вода вслѣдствіе порывовъ вѣтра, дирижабль
 удалось спустить и отвести на ка-
 наль.

За-гранцей.

РЕВОЛЮЦІЯ ВЪ ПОРТУГАЛІИ.

ВѢНА, 5 октября (23 сентября).
 (Отъ нашего корреспондента).
 Сречная.
 Въ Лиссабонѣ революція. Военныя суда
 обстрѣиваютъ королевскій дворецъ, который
 находится уже во власти республиканцевъ.
 Король вѣдетъ въ цѣль. Армія перешла на
 сторону республиканцевъ. На улицахъ идетъ
 борьба.

БЕЛГИЙСКАЯ КОРОЛЕВСКАЯ ЧЕТА ВЪ ВѢНѢ.

ВША. На обѣдъ въ Гейбургѣ въ честь бел-
 гійской королевской четы императоръ Францъ
 Иосифъ благодарилъ за посѣщеніе и выразилъ
 пожеланіе кърды продолжительнаго оставленія
 и славнаго престоанія. Императоръ пожелалъ,
 что посѣщеніе будетъ свидѣтельствомъ большаго
 укрѣпленія стѣннхъ отношеній между
 Вѣнннн и Австро-Герней. Въ отвѣтъ на это
 белгійскій король, поблагодаривъ за мило-
 стивныя слова, и радужный пріемъ, указавъ,
 что онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы
 обрѣсти болѣе тѣсныя связи, дружбы, симпатій
 и дружбы, пожелалъ счастья императору
 и императорской семьѣ и процвѣтанія монархіи.

КЪ ИНЦИДЕНТУ СЪ ЖУРНАЛИСТАМИ ВЪ МОАБИТѢ.

БЕРЛИНЪ. Союзъ иностранныхъ корреспондентовъ
 отъ имперскаго канцлера выразило сожалѣніе
 о происшествіи съ иностранными кор-
 респондентами. Министръ въ дѣлѣ загранич-
 ныхъ сношеній. Въ министерствѣ обдумываютъ
 мѣры для охраны прѣдставителей печати.
 БЕРЛИНЪ. Въ отвѣтъ на резолюцію союза
 иностранныхъ корреспондентовъ, президентъ
 общаго собранія, что въ отсутствіи особаго
 республиканскаго права, редакторы должны
 избрѣсти спонсоры, и что во время прѣдсе-
 дствій въ Моабитѣ редакторы могутъ бы раз-
 считаны по близости позицій и находились
 бы подъ охраной полиціи. Президентъ по-
 зицій придалъ болѣе значеніе удачно
 расхождению редакторовъ, но объективны
 отчеты являются наилучшимъ предохра-
 нениемъ отъ тенденциозныхъ и пристрастныхъ
 сообщеній.

ХОЛЕРА ВЪ ЕВРОПѢ.

МАРСЕЛЬ. Трое прибывшихъ на пароходѣ
 „Соборъ“ заболѣли съ холерическими по-
 ходей симптомами. Принята мѣра прѣдосто-
 рожности.

ТУДОНЪ. Крейсера „Адмиралъ Макаровъ“ приказано идти въ Шербургъ.

Горючее сердце.

„Дайте оденные, оторвана всякому
 о немъ, о томъ, братъ, замолчанъ
 старикъ сидѣлъ нахъ метелью...
 Будъ прощайте, дайте оденные, и
 будущее надежды. Если съ дорой
 сдѣлать, первая записка—вероятно на
 дорой“.

Горючее сердце.

Кто былъ настоящею главой славянофиль-
 ства—Хомяковъ или Константинъ Аксаковъ—
 вопросъ почти разрѣшенный въ пользу того, чья
 личность возмущала Кенеръ. Константинъ
 Аксаковъ былъ вѣдѣнствѣхъ славянофильства,
 то Хомяковъ, во всякомъ случаѣ, не уступалъ
 по своему значенію и влиянію на оруженосцевъ
 той рои, какую игралъ въ западническихъ
 затѣвахъ Герценъ. Хомяковъ былъ старѣе всѣхъ
 восточныхъ вождей и руководителей. Обладая
 огромной памятью и необыкновенными диалектиче-
 скими способностями, онъ не имѣлъ равныхъ,
 которые бы устной бесѣдой и въ личномъ разго-
 ворѣ до безконечности велись въ тогдаш-
 ній интеллигентскій кружокъ и которые
 такъ много содѣйствовали углубленію направле-
 ния. Какъ устный богословъ и тонкій фило-
 софъ, какъ горячій публицистъ и гражданскій
 поэтъ, въ своихъ высокихъ позахъ поднимав-
 шійся до сферы поэтики, Хомяковъ являлся
 неутомимымъ и неутомимымъ руководителемъ
 и самъ Константинъ Аксаковъ былъ ученикомъ
 о, а въ первой своей московской кружокъ онъ
 вовсе не одного изъ тѣхъ своихъ знаменитыхъ
 попутателей, какъ, напр., Ярица Сарма-
 тинъ, которыхъ каждый въострѣдствіи состав-
 лялъ славу своей партіи. По многимъ и, мож-
 но сказать, даже главѣйшимъ принципиальнымъ
 вопросамъ славянофильскаго ученія, онъ и до
 сихъ поръ является авторитетнымъ источни-
 комъ свѣдѣній. И если Константинъ Ак-
 саровъ далъ имъ развитіе и дальнейшій по-
 ширенію, то въ основѣ остаются тѣ перво-
 начальные мнѣнія, которыя высказалъ Хомяковъ
 и которыя вошли въ категорическія славянофиль-
 ская вѣрванія. Его чтили при жизни не толь-
 ко друзья и приверженцы, но и самые ожесточен-
 ные непримиримые противники. Когда же
 Хомяковъ умеръ въ 1890 году, то со слезами
 и плачемъ въ своемъ послѣднемъ изданіи
 (въ изданіи „Наша жизнь“) будущіи русскій
 ученый и публицистъ Г. П. Федотовъ провозгласилъ
 какъ погребальную арию всегда враждебнаго къ
 нему „Николаевъ“.

Горючее сердце.

„Дайте оденные, оторвана всякому
 о немъ, о томъ, братъ, замолчанъ
 старикъ сидѣлъ нахъ метелью...
 Будъ прощайте, дайте оденные, и
 будущее надежды. Если съ дорой
 сдѣлать, первая записка—вероятно на
 дорой“.

Горючее сердце.

Кто былъ настоящею главой славянофиль-
 ства—Хомяковъ или Константинъ Аксаковъ—
 вопросъ почти разрѣшенный въ пользу того, чья
 личность возмущала Кенеръ. Константинъ
 Аксаковъ былъ вѣдѣнствѣхъ славянофильства,
 то Хомяковъ, во всякомъ случаѣ, не уступалъ
 по своему значенію и влиянію на оруженосцевъ
 той рои, какую игралъ въ западническихъ
 затѣвахъ Герценъ. Хомяковъ былъ старѣе всѣхъ
 восточныхъ вождей и руководителей. Обладая
 огромной памятью и необыкновенными диалектиче-
 скими способностями, онъ не имѣлъ равныхъ,
 которые бы устной бесѣдой и въ личномъ разго-
 ворѣ до безконечности велись въ тогдаш-
 ній интеллигентскій кружокъ и которые
 такъ много содѣйствовали углубленію направле-
 ния. Какъ устный богословъ и тонкій фило-
 софъ, какъ горячій публицистъ и гражданскій
 поэтъ, въ своихъ высокихъ позахъ поднимав-
 шійся до сферы поэтики, Хомяковъ являлся
 неутомимымъ и неутомимымъ руководителемъ
 и самъ Константинъ Аксаковъ былъ ученикомъ
 о, а въ первой своей московской кружокъ онъ
 вовсе не одного изъ тѣхъ своихъ знаменитыхъ
 попутателей, какъ, напр., Ярица Сарма-
 тинъ, которыхъ каждый въострѣдствіи состав-
 лялъ славу своей партіи. По многимъ и, мож-
 но сказать, даже главѣйшимъ принципиальнымъ
 вопросамъ славянофильскаго ученія, онъ и до
 сихъ поръ является авторитетнымъ источни-
 комъ свѣдѣній. И если Константинъ Ак-
 саровъ далъ имъ развитіе и дальнейшій по-
 ширенію, то въ основѣ остаются тѣ перво-
 начальные мнѣнія, которыя высказалъ Хомяковъ
 и которыя вошли въ категорическія славянофиль-
 ская вѣрванія. Его чтили при жизни не толь-
 ко друзья и приверженцы, но и самые ожесточен-
 ные непримиримые противники. Когда же
 Хомяковъ умеръ въ 1890 году, то со слезами
 и плачемъ въ своемъ послѣднемъ изданіи
 (въ изданіи „Наша жизнь“) будущіи русскій
 ученый и публицистъ Г. П. Федотовъ провозгласилъ
 какъ погребальную арию всегда враждебнаго къ
 нему „Николаевъ“.

Горючее сердце.

„Дайте оденные, оторвана всякому
 о немъ, о томъ, братъ, замолчанъ
 старикъ сидѣлъ нахъ метелью...
 Будъ прощайте, дайте оденные, и
 будущее надежды. Если съ дорой
 сдѣлать, первая записка—вероятно на
 дорой“.

Революція въ Португаліи.

ВѢНА, 5 октября (23 сентября).
 (Отъ нашего корреспондента).
 Сречная.
 Въ Лиссабонѣ революція. Военныя суда
 обстрѣиваютъ королевскій дворецъ, который
 находится уже во власти республиканцевъ.
 Король вѣдетъ въ цѣль. Армія перешла на
 сторону республиканцевъ. На улицахъ идетъ
 борьба.

БЕЛГИЙСКАЯ КОРОЛЕВСКАЯ ЧЕТА ВЪ ВѢНѢ.

ВША. На обѣдъ въ Гейбургѣ въ честь бел-
 гійской королевской четы императоръ Францъ
 Иосифъ благодарилъ за посѣщеніе и выразилъ
 пожеланіе кърды продолжительнаго оставленія
 и славнаго престоанія. Императоръ пожелалъ,
 что посѣщеніе будетъ свидѣтельствомъ большаго
 укрѣпленія стѣннхъ отношеній между
 Вѣннн и Австро-Герней. Въ отвѣтъ на это
 белгійскій король, поблагодаривъ за мило-
 стивныя слова, и радужный пріемъ, указавъ,
 что онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы
 обрѣсти болѣе тѣсныя связи, дружбы, симпатій
 и дружбы, пожелалъ счастья императору
 и императорской семьѣ и процвѣтанія монархіи.

КЪ ИНЦИДЕНТУ СЪ ЖУРНАЛИСТАМИ ВЪ МОАБИТѢ.

БЕРЛИНЪ. Союзъ иностранныхъ корреспондентовъ
 отъ имперскаго канцлера выразило сожалѣніе
 о происшествіи съ иностранными кор-
 респондентами. Министръ въ дѣлѣ загранич-
 ныхъ сношеній. Въ министерствѣ обдумываютъ
 мѣры для охраны прѣдставителей печати.
 БЕРЛИНЪ. Въ отвѣтъ на резолюцію союза
 иностранныхъ корреспондентовъ, президентъ
 общаго собранія, что въ отсутствіи особаго
 республиканскаго права, редакторы должны
 избрѣсти спонсоры, и что во время прѣдсе-
 дствій въ Моабитѣ редакторы могутъ бы раз-
 считаны по близости позицій и находились
 бы подъ охраной полиціи. Президентъ по-
 зицій придалъ болѣе значеніе удачно
 расхождению редакторовъ, но объективны
 отчеты являются наилучшимъ предохра-
 нениемъ отъ тенденциозныхъ и пристрастныхъ
 сообщеній.

ХОЛЕРА ВЪ ЕВРОПѢ.

МАРСЕЛЬ. Трое прибывшихъ на пароходѣ
 „Соборъ“ заболѣли съ холерическими по-
 ходей симптомами. Принята мѣра прѣдосто-
 рожности.

ТУДОНЪ. Крейсера „Адмиралъ Макаровъ“ приказано идти въ Шербургъ.

Горючее сердце.

„Дайте оденные, оторвана всякому
 о немъ, о томъ, братъ, замолчанъ
 старикъ сидѣлъ нахъ метелью...
 Будъ прощайте, дайте оденные, и
 будущее надежды. Если съ дорой
 сдѣлать, первая записка—вероятно на
 дорой“.

Горючее сердце.

Кто былъ настоящею главой славянофиль-
 ства—Хомяковъ или Константинъ Аксаковъ—
 вопросъ почти разрѣшенный въ пользу того, чья
 личность возмущала Кенеръ. Константинъ
 Аксаковъ былъ вѣдѣнствѣхъ славянофильства,
 то Хомяковъ, во всякомъ случаѣ, не уступалъ
 по своему значенію и влиянію на оруженосцевъ
 той рои, какую игралъ въ западническихъ
 затѣвахъ Герценъ. Хомяковъ былъ старѣе всѣхъ
 восточныхъ вождей и руководителей. Обладая
 огромной памятью и необыкновенными диалектиче-
 скими способностями, онъ не имѣлъ равныхъ,
 которые бы устной бесѣдой и въ личномъ разго-
 ворѣ до безконечности велись въ тогдаш-
 ній интеллигентскій кружокъ и которые
 такъ много содѣйствовали углубленію направле-
 ния. Какъ устный богословъ и тонкій фило-
 софъ, какъ горячій публицистъ и гражданскій
 поэтъ, въ своихъ высокихъ позахъ поднимав-
 шійся до сферы поэтики, Хомяковъ являлся
 неутомимымъ и неутомимымъ руководителемъ
 и самъ Константинъ Аксаковъ былъ ученикомъ
 о, а въ первой своей московской кружокъ онъ
 вовсе не одного изъ тѣхъ своихъ знаменитыхъ
 попутателей, какъ, напр., Ярица Сарма-
 тинъ, которыхъ каждый въострѣдствіи состав-
 лялъ славу своей партіи. По многимъ и, мож-
 но сказать, даже главѣйшимъ принципиальнымъ
 вопросамъ славянофильскаго ученія, онъ и до
 сихъ поръ является авторитетнымъ источни-
 комъ свѣдѣній. И если Константинъ Ак-
 саровъ далъ имъ развитіе и дальнейшій по-
 ширенію, то въ основѣ остаются тѣ перво-
 начальные мнѣнія, которыя высказалъ Хомяковъ
 и которыя вошли въ категорическія славянофиль-
 ская вѣрванія. Его чтили при жизни не толь-
 ко друзья и приверженцы, но и самые ожесточен-
 ные непримиримые противники. Когда же
 Хомяковъ умеръ въ 1890 году, то со слезами
 и плачемъ въ своемъ послѣднемъ изданіи
 (въ изданіи „Наша жизнь“) будущіи русскій
 ученый и публицистъ Г. П. Федотовъ провозгласилъ
 какъ погребальную арию всегда враждебнаго къ
 нему „Николаевъ“.

Горючее сердце.

„Дайте оденные, оторвана всякому
 о немъ, о томъ, братъ, замолчанъ
 старикъ сидѣлъ нахъ метелью...
 Будъ прощайте, дайте оденные, и
 будущее надежды. Если съ дорой
 сдѣлать, первая записка—вероятно на
 дорой“.

Горючее сердце.

Кто былъ настоящею главой славянофиль-
 ства—Хомяковъ или Константинъ Аксаковъ—
 вопросъ почти разрѣшенный въ пользу того, чья
 личность возмущала Кенеръ. Константинъ
 Аксаковъ былъ вѣдѣнствѣхъ славянофильства,
 то Хомяковъ, во всякомъ случаѣ, не уступалъ
 по своему значенію и влиянію на оруженосцевъ
 той рои, какую игралъ въ западническихъ
 затѣвахъ Герценъ. Хомяковъ былъ старѣе всѣхъ
 восточныхъ вождей и руководителей. Обладая
 огромной памятью и необыкновенными диалектиче-
 скими способностями, онъ не имѣлъ равныхъ,
 которые бы устной бесѣдой и въ личномъ разго-
 ворѣ до безконечности велись въ тогдаш-
 ній интеллигентскій кружокъ и которые
 такъ много содѣйствовали углубленію направле-
 ния. Какъ устный богословъ и тонкій фило-
 софъ, какъ горячій публицистъ и гражданскій
 поэтъ, въ своихъ высокихъ позахъ поднимав-
 шійся до сферы поэтики, Хомяковъ являлся
 неутомимымъ и неутомимымъ руководителемъ
 и самъ Константинъ Аксаковъ былъ ученикомъ
 о, а въ первой своей московской кружокъ онъ
 вовсе не одного изъ тѣхъ своихъ знаменитыхъ
 попутателей, какъ, напр., Ярица Сарма-
 тинъ, которыхъ каждый въострѣдствіи состав-
 лялъ славу своей партіи. По многимъ и, мож-
 но сказать, даже главѣйшимъ принципиальнымъ
 вопросамъ славянофильскаго ученія, онъ и до
 сихъ поръ является авторитетнымъ источни-
 комъ свѣдѣній. И если Константинъ Ак-
 саровъ далъ имъ развитіе и дальнейшій по-
 ширенію, то въ основѣ остаются тѣ перво-
 начальные мнѣнія, которыя высказалъ Хомяковъ
 и которыя вошли въ категорическія славянофиль-
 ская вѣрванія. Его чтили при жизни не толь-
 ко друзья и приверженцы, но и самые ожесточен-
 ные непримиримые противники. Когда же
 Хомяковъ умеръ въ 1890 году, то со слезами
 и плачемъ въ своемъ послѣднемъ изданіи
 (въ изданіи „Наша жизнь“) будущіи русскій
 ученый и публицистъ Г. П. Федотовъ провозгласилъ
 какъ погребальную арию всегда враждебнаго къ
 нему „Николаевъ“.

Горючее сердце.

„Дайте оденные, оторвана всякому
 о немъ, о томъ, братъ, замолчанъ
 старикъ сидѣлъ нахъ метелью...
 Будъ прощайте, дайте оденные, и
 будущее надежды. Если съ дорой
 сдѣлать, первая записка—вероятно на
 дорой“.

За-граицей.

МАНИФЕСТАЦІОНСТВЪ ВЪ ВѢНѢ.
 Колоссальная манифестация противъ заво-
 рожанія продуктовъ первой необходимости
 состоялась въ воскресенье въ Вѣнѣ. Около
 250,000 буржуйскихъ и рабочихъ, мужчинъ
 и женщинъ, безоглядно цуломъ шествовали
 отъ шварцбургскаго плацдарма, мимо двор-
 цовъ Ринга, Бургта и парламента, до ра-
 ния, неся безчисленныя знамена, на ко-
 торыхъ красовались надписи: „Долой ари-
 стократію! Мы требуемъ отмены безогля-
 дошныя на продукты!.. Откройте границы!
 „Долой рестоцизмъ, разоряющій на-
 родъ!.. Работы, мяса и хлеба!.. и т. д.
 На громадной площади передъ ратушей цу-
 лостоялись. Ораторы, депутаты рейхтара
 Жра Алтеръ и Шумайеръ и главный вѣн-
 ская магистратъ Винарски, произнесли на
 специально для того воздвигнутыхъ трибу-
 нахъ речи. Ораторствовали въ нихъ дѣя-
 тельность и въ борьбѣ за свободу правитель-
 ства въ вопросѣ о ввозѣ иностранныхъ про-
 дуктовъ, ораторы предлагали соответ-
 ственную резолюцію, которая не

